

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 55–62. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 55–62. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470)“1937/1938”

EDN WNJBUM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-55-62>

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «10 ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ»

Капитанов Виктор Анатольевич, кандидат технических наук, ведущий специалист НИИ «Полус» им. М.Ф. Стелмаха, Москва, Россия, kapitanov_v_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2153-3848>

Аннотация. Статья посвящена изучению практики дезинформирования родственников расстрелянных по приговорам троек НКВД и Военной коллегии Верховного суда в период Большого террора устными сообщениями о приговоре 10 лет лишения свободы без права переписки. Показано, что нормирующие данную практику документы игнорируют существование Комиссии НКВД и прокурора СССР; применение подобной практики должно было создавать неразрешимые коллизии, поскольку часть смертных приговоров Военной коллегии открыто публиковалась; данные от родственников расстрелянных указывают различные сроки заключения, что невозможно в случае организованной по единому образцу дезинформационной кампании. Показано, что сведения о подобном дезинформировании впервые появились в ходе Винницкой эксгумации 1943 г., когда немецкие нацисты пытались выдать трупы убитых ими в 1941–1942 гг. евреев за трупы казненных НКВД в 1937–1938 гг. Не имея доказательств причастности НКВД к смерти эксгумированных, оккупационные власти были вынуждены заявить, что родственникам расстрелянных в НКВД устно сообщали о 10 годах без права переписки; на основании этих устных заявлений и была построена процедура «опознания» трупов. Сделан вывод о том, что в действительности в СССР не проводилась кампания дезинформирования родственников расстрелянных путем выдачи устных справок; все документы, связанные с данной практикой, нуждаются в тщательной проверке.

Ключевые слова: 10 лет без права переписки; Большой террор; Винницкая эксгумация; Военная коллегия Верховного суда; Комиссия НКВД и прокурора СССР, тройка НКВД.

Для цитирования: Капитанов В.А. О происхождении «10 лет без права переписки» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 55–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-55-62>

Research Article

ON THE ORIGIN OF “10 YEARS WITHOUT THE RIGHT OF CORRESPONDENCE”

Viktor A. Kapitanov, PhD in Engineering, leading specialist at Stel'makh Scientific Research Institute, Moscow, Russia, kapitanov_v_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2153-3848>

Abstract. The article examines the practice of misinforming relatives of individuals executed by sentencing of the NKVD «troikas» and the Military Collegium of the Supreme Court during the Great Purge through oral notifications of the sentence of 10 years of imprisonment without the right of correspondence. It is demonstrated that the documents regulating this practice ignore the existence of the NKVD Commission and the Prosecutor of the USSR; the application of such a practice was bound to create irresolvable conflicts, since some of the death sentences issued by the Military Collegium were openly published. The testimonies from relatives of the executed indicate varying imprisonment terms, which would be impossible in the case of a uniformly organised disinformation campaign. The study shows that information about such misinformation emerged during Vinnytsia exhumation of 1943, when the Nazis attempted to present the bodies of Jews who had been killed by them in 1941–42, as the victims of the NKVD executions in 1937–38. Having no evidence of the NKVD's involvement in the deaths of the exhumed, the occupying authorities had to state that the relatives of those executed by the NKVD had been verbally informed of “10 years without the right to correspondence” sentence. The procedure of “identification” of the corpses was built on the basis of those oral statements. The article concludes that in reality, no organised campaign of misleading relatives of those executed through oral notifications took place in the USSR. All documents related to this practice require thorough verification.

Keywords: «10 years without right to correspondence»; Great Purge; Vinnytsia exhumation; Military Collegium of Supreme Court; Commission of NKVD and Prosecutor General of Soviet Union; NKVD «troika».

For citation: Kapitanov V.A. On the origin of “10 years without the right of correspondence”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 55–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-55-62>

Актуальность работы определяется продолжающейся специальной военной операцией. Государственность Украины строится на антикоммунистических основаниях, что официально закреплено, в частности, в законе № 2558, осуждающем коммунистический и нацистский тоталитарные режимы и запрещающем публичное отрицание «преступлений» СССР, тогда как Российская Федерация, согласно статье 67.1 Конституции, признается правопреемницей Советского Союза. В этих условиях украинская военная пропаганда, направленная как на собственное население, так и на российское, распространяет клевету не только на Россию, что в период боевых действий ожидаемо, но и на Советский Союз.

Агитационные материалы противника широко доступны и каждый может самостоятельно убедиться, что эта пропаганда базируется не только на искаженных данных о голоде в сталинское время, но и на ложных утверждениях о масштабах репрессий того периода. Отказ от преувеличений в этом вопросе позволил бы не только приблизиться к объективной истине, но и значительно ослабить воздействие антироссийской пропаганды.

Цель работы: показать несоответствие действительности представления о том, что родственникам расстрелянных в период Большого террора 1937–1938 гг. в органах НКВД давали ложную информацию о приговоре к 10 годам заключения без права переписки (БПП); эта информация была истинной, эти люди были не казнены, а действительно приговорены к заключению.

Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть следующее:

- официальные документы, описывающие дезинформирование устными справками о 10 годах без права переписки и их противоречие общеизвестной структуре внесудебных органов Большого террора, практике публикации смертных приговоров и общим целям Большого террора;

- воспоминания родственников репрессированных об устных справках про 10 лет без права переписки и их противоречия, указывающие на отсутствие централизованного регламентирования подобных сообщений;

- происхождение представления об эквивалентности расстрела и 10 лет без права переписки в материалах проведенной нацистами Винницкой экспедиции, включая:

- а) доказательство вины в Винницком расстреле не НКВД, а немецких и украинских нацистов;

- б) вынужденность создания геббельсовской пропагандой мифа об эквивалентности расстрела и 10 лет без права переписки в условиях отсутствия прямых доказательств вины НКВД в Винницком расстреле;

- в) связь между «опознанием» жертв Винницкого расстрела и возникновением представлений о 10 годах без права переписки;

- г) эволюцию мифа об эквивалентности расстрела и 10 лет без права переписки в нацистских документах, включая противоречия поздней и ранней версий;

- д) изготовление нацистами фальшивых документов с целью подтверждения мифа о 10 годах без права переписки.

1. Официальные документы о 10 годах без права переписки. Существование исследуемой практики дезинформирования подтверждается следующими документами:

- а) приказ¹ НКВД СССР № 00515 «О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных» от 11.05.1939 г.;

- б) приказ² наркома внутренних дел и прокурора СССР № 00706 «О выдаче справок заявителям о лицах, осужденных по делам органов НКВД» от 04.06.1940; круг инстанций, чьи смертные приговоры следовало маскировать под 10 лет БПП – тройки НКВД – УНКВД и Военная коллегия Верховного суда СССР (ВКВС).

- в) докладная записка [ГУЛАГ: 133–134] начальника 1-го спецотдела НКВД СССР А.С. Кузнецова (сентябрь 1945 г.).

- г) докладная записка [ГУЛАГ: 134] В.Н. Меркулова, В.В. Чернышева, Б.З. Кобулова (сентябрь 1945 г.).

- д) докладная записка³ С.Н. Круглова, К.П. Горшенева, Р.А. Руденко, И.А. Серова и А.А. Волина о порядке рассмотрения заявлений граждан о судьбе репрессированных родственников от 18 ноября 1954 г.;

- е) директива⁴ председателя КГБ при Совете Министров СССР о порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания, № 108сс от 24.08.1955 г.

В докладной записке В.М. Чебрикова⁵ «О порядке разрешения заявлений граждан о судьбе лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов» от 04.07.1988 г. утверждается, что родственникам расстрелянных с 1939 г. сообщалось о приговоре к 10 годам без права переписки, с 1945 г. – о смерти осужденного в лагере, а в настоящее время – о казни, в связи с чем предлагается ранее выданные свидетельства о смерти заменить через ЗАГС новыми.

В изданном обществом «Мемориал» (признано иноагентом) сборнике [Право: 9–21] приведены примеры официального применения описанной процедуры: выдача вторых свидетельств о смерти с новой датой и новой причиной смерти.

Также подтверждает подобную практику имеющаяся в архивах официальная переписка⁶.

Однако руководствуясь приведенными документами, дезинформирование невозможно провести без грубых ошибок, ведущих к раскрытию обмана.

Так, не предусмотрено сообщать о 10 годах без права переписки родственникам приговоренных к высшей мере наказания (ВМН) так называемой «двойкой» (Комиссией НКВД и прокурора СССР). Таким образом, нормативная база, вводящая и описывающая рассматриваемую процедуру дезинформирования, противоречит структуре внесудебных органов периода Большого террора, важный внесудебный орган из практики 10 лет без права переписки исключен.

Предписывалось сообщать о 10 годах без права переписки родственникам приговоренных к ВМН не только секретными тройками НКВД, но и общеизвестной ВКВС, некоторые смертные приговоры которой публиковались⁷ в прессе. Неясно, что в такой ситуации следует сказать родственнику казненного по приговору ВКВС – информацию из газет или же то, что предусмотрено установленными правилами. Таким образом, нормативная база, предписывающая сообщать о 10 годах без права переписки, противоречит практике публикации смертных приговоров и создает для исполнителей неразрешимые коллизии.

Мало того, практика сокрытия приговоров к ВМН противоречит целям Большого террора, какими бы они ни были. Считая Большой террор, согласно концепции О.В. Хлевнюка [Хлевнюк: 11–23], инициированным высшим партийным руководством демонстративным насилием с целью устрашения общества, невозможно понять цели сокрытия казней, особенно с учетом широкого освещения смертных приговоров бывшим высшим руководителям.

Если же рассматривать Большой террор в соответствии с концепцией А.Н. Дугина [Дугин: 14–25] заговором в НКВД с целью разжигания гнева народа против руководства страны и провоцирования восстания, сокрытие расстрелов вместо должного их афиширования еще более необъяснимо.

2. Воспоминания родственников репрессированных о 10 годах без права переписки. Несмотря на очевидную невозможность наличия на руках у родственников письменных документов, ибо сведения предоставлялись только устные, – один все же имеется: «Чтобы получить хоть какую-то справку о судьбе арестованного мужа, Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик пришла в справочную НКВД на Кузнецком Мосту и подала записку, что она глухая и просит ответить ей письменно. На этой же бумажке сотрудник НКВД написал: “Выслан в дальние лагеря без право [так в документе] переписки”» [Право: 10].

Здесь показательно отсутствие упоминания о 10 годах, несмотря на выдачу справки официальным лицом.

В мемуарной литературе (а иных источников об устных справках быть не может) отклонения от канона 10 лет без права переписки еще более явственные, хотя есть и воспоминания родственников

репрессированных именно десятилетнем сроке [Леонова: 142].

Так, в романе Н. Марченко (Нарокова) «Мнимые величины» упоминается 8 лет БПП [Нароков: 76], в воспоминаниях родственников меннонитов [Редькина: 64] – 25 лет БПП. Сохранились свидетельства о 5 годах БПП⁸ и о 14 годах БПП⁹.

Однако если бы дезинформирование действительно регламентировалось документами НКВД, то срок был бы одинаков во всех случаях.

3. Винницкая эксгумация. Впервые было сказано «10 лет без права переписки означает расстрел» в ходе эксгумации немецкими оккупантами в 1943 г. массового захоронения в Виннице.

Базовый документ по данному вопросу – «Официальные материалы о массовом убийстве в Виннице» [Amtliches]. Кроме [Amtliches] для достижения цели работы рассматриваются и иные материалы: воспоминания очевидцев казней, донесения советских и нацистских спецслужб, а также публикации в коллаборационистской прессе.

3.1. Доказательство вины в Винницком расстреле немецких и украинских нацистов. Для правильной интерпретации используемого в статье материала необходимо понимать, что, вопреки утверждениям нацистов, ими были эксгумированы не жертвы Большого террора 1937–1938 гг., а убитые ими же в 1941–1942 гг. советские граждане, преимущественно евреи; доказательства этого ниже.

Место убийства. Всего было раскопано три захоронения, самое удаленное из которых – во фруктовом саду в Долинках – находится в городской застройке, всего в 1,8 км от расположенного в центре города здания Винницкого УНКВД, а самое ближнее – в парке культуры и отдыха, примыкающем непосредственно к зданию УНКВД [Amtliches: 9]. Однако на расстоянии всего 3–4 км от здания НКВД начинаются лесные массивы, более подходящие для тайных захоронений; расположение расстрельных рвов в черте города указывает скорее на демонстративную казнь оккупантами, чем на секретную казнь сотрудниками НКВД.

Орудия убийства. 6420 из 9432 погибших были застрелены безоболочечными пулями калибра 5,6 мм. Оружие под данный патрон в СССР применялось только в качестве учебного, спортивного или охотничьего, в НКВД оно табельным не было. В Германии же во время войны трофейные малокалиберные винтовки ТОЗ-8 и 9 использовались как табельное оружие под наименованиями Kleinkalibergewehr 205(r) и 206(r) [Gander: 254]; вооружались этим оружием полицейские подразделения, репрессировавшие гражданское население. Таким образом, сотрудник НКВД мог использовать малокалиберную винтовку для казни, но шуцман украинской вспомогатель-

ной полиции был это сделать обязан – иного оружия у него могло не быть.

Кроме убитых малокалиберным оружием и тупыми твердыми предметами, в раскопах обнаружены 2557 человек, убитых неизвестно чем. Таким образом, оружие, убившее более четверти жертв Винницкого расстрела, оккупанты предпочли скрыть, и единственное возможное объяснение этому – это было табельное оружие вермахта.

Женские и детские трупы. Доля женщин среди расстрелянных в годы Большого террора была невелика и не превышала нескольких процентов. Вопрос о расстрелах несовершеннолетних дискутируется, но даже по максимальным оценкам доля расстрелянных несовершеннолетних не превышала сотых долей процента, а потому вероятность нахождения среди девяти тысяч казненных хотя бы одного ребенка близка к нулю.

Нацисты отдавали себе в этом отчет, а потому в своих материалах они упомянули всего 169 женских трупов [Amtliches: 122] и ни одного детского. Однако Винницкая эксгумация была публичной, к раскопам приглашали корреспондентов коллаборационистской прессы, в статьях^{10,11} которой упоминалось значительное количество женских и детских трупов.

Показания свидетелей. Офицер вермахта Эрвин Бингель [Yad Vashem Studies: 283–299], находясь в плену, дал показания об увиденной им массовой казни в парке культуры и отдыха местных евреев (включая женщин и детей) украинскими парамилитари под руководством офицеров СС.

В справке начальника 4-го Управления НКГБ СССР П.А. Судоплатова¹² сообщалось о массовых расстрелах на западной окраине парка культуры и отдыха зимой 1941/42 гг. Таким образом, о точном месте одного из массовых расстрелов винницких евреев в СССР было известно до немецкой эксгумации.

После освобождения Винницы горожанин М.И. Соколов [Насильство: 455–458] свидетельствовал о массовых казнях евреев в сентябре 1941 г. в районе Долинок, в котором располагался фруктовый сад – еще одно место немецкой эксгумации.

Члены болгарской делегации¹³, приглашенные на Винницкую эксгумацию, после войны предстали перед судом и дали показания о постановочном характере раскопок и опознания.

Два члена «Зондеркомиссион Винница», организовавшей рассматриваемую фальсификацию – К. Гронер и Ф. Юрашек¹⁴ – дали показания о том, что в действительности убитые были расстреляны оккупантами, трупы пролежали в земле не более полутора лет, среди убитых были дети, а «опознание» проводилось на основании заявлений завербованных местных жителей о том, что их родственники якобы расстреляны НКВД.

Отметим, что кроме трупов и показаний родственников якобы казненных НКВД в распоряжении немцев была могила 15а [Amtliches:17], заполненная документами. Среди этих документов нет ни одного расстрельного (приговор, направление на казнь, акт о расстреле и т. п.), есть лишь «нерасстрельные» документы НКВД (протоколы обыска, повестки в суд и т. п.), а также «гражданские» документы (письма, квитанции, членские билеты и т. п.) – и ни один документ из ямы 15а не может быть сопоставлен ни с одним трупом, они лежали отдельно.

У нацистов не было никаких прямых доказательств вины НКВД – ни свидетелей, ни пуль, ни гильз, ни расстрельных документов. В этих обстоятельствах единственным доказательством могли быть только показания родственников, якобы опознавших трупы своих близких в расстрельных рвах; обратимся к результатам опознания.

3.2. Процедура опознания и 10 лет без права переписки. Хотя из расстрельных рвов Винницы извлечены не казненные НКВД, но имена 491 из 679 опознанных родственниками при эксгумации удалось обнаружить в базе данных репрессированных «Бессмертный барак». Это означает наличие какой-то связи между опознанием трупов и арестами НКВД, но необязательно казнями.

В список якобы опознанных попало множество людей, приговоренных не к казни, а к лишению свободы, либо казненных, но не в Виннице, либо вообще не осужденных. Чтобы не перегружать текст, здесь будут приведены только их номера согласно списку опознанных: 20, 21, 45, 63, 129, 153, 154, 156, 157, 159, 161, 178, 183, 186, 189, 255, 261, 269, 284, 288, 314, 317, 381, 511, 530, 551, 671 [Amtliches: 215–248].

Наиболее показательны:

– 261 Панадий Онисия Семеновна, осуждена на 5 лет ИТЛ 08.09.43 г., 2 месяца жизни после эксгумации;

– 317 Бобик Давид Федорович, осужден Верховным судом УССР 25.03.45 г. на 3 года ИТЛ, 2 года жизни после эксгумации;

– 530 Голик Фома Родионович, осужден военным трибуналом и расстрелян 11.03.42 г., то есть когда советский военный трибунал явно никого не расстреливал в Виннице;

– 671 Ясинецкий Андрей Иванович, осужден «тройкой» УНКВД Винницкой обл. 18.11.37 г. на 10 лет, затем приговорен ОС МГБ 31.10.51 г. к ссылке в Красноярский край, 8 лет жизни после эксгумации.

Очевидно, списки опознанных составляли на основании показаний местных жителей об аресте родственников. Но мало того, среди опознанных трупов оказались:

– 183 Антонюк Григорий¹⁵, согласно сайту «Память народа», награжденный в Великую Отечествен-

ную войну медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды;

– 511 Вознюк Василий Тарасович¹⁶, награжденный, согласно сайту «Поиск», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За оборону Сталинграда» и демобилизованный 02.12.1946 г.

Судя по представленным данным, а также по показаниям Юрашека, методика опознания была проста: любой мог заявить, что его родственник арестован в 1937–1938 гг., с тех пор его никто не видел, а выкопанный из могилы предмет одежды принадлежит именно ему; более ничего не требовалось. Именно так в списке опознанных оказались реально арестованные НКВД, несмотря на то, что НКВД не казнил эксгумированных в Виннице.

Этой процедурой воспользовались не только винничане, имевшие арестованных (но не расстрелянных) родственников, но и имевшие родственников-красноармейцев, – чтобы избежать репрессий оккупационных властей.

Но у родственников (как и в яме 15а) не было никаких документов о казни, потому появление легенды об устных справках НКВД стало неизбежным – без нее не было бы вообще никакой связи между трупами во рву и словами родственников.

Изначально нацисты планировали изготовить фальшивые документы, якобы выданные родственникам, в которых значилось бы 10 лет без права переписки. Это следует из донесения¹⁷ Айнзатцкоманды 6 о том, что тысячи винницких женщин получили в 1938 г. из НКВД справки о своих арестованных мужьях и сыновьях, в которых было указано 10 лет без права переписки, эти справки женщины носили с собой постоянно.

Сообщение Айнзатцкоманды 6 о тысячах справок 10 лет БПП было ложью, ни тысяч, ни даже нескольких штук широкой публике представлено не было,

ибо массовое изготовление фальшивых документов связано с риском разоблачения.

В [Amtliches: 201] представлен всего один подобный документ, составленный от имени не НКВД, а Военной прокуратуры СССР и имеющий явные следы подделки (см. слово «телефон» на рис. 1).

Нацистские пропагандисты, упрощая себе работу, в конечном итоге решили обойтись без документов вовсе и после описанных выше колебаний создали легенду: «Родственникам расстрелянных *устно* сообщали 10 лет без права переписки», хотя эта легенда противоречит их же собственным данным – как донесениям Айнзатцкоманды 6 о тысячах *письменных* справок, так и *письменной* справке о Ежовском.

В приложениях к [Amtliches: 255–282] представлены краткие интервью родственников «расстрелянных», в которых изложены различные варианты сообщения о 10 годах без права переписки. Из 28 интервьюированных:

- лишь восьми сообщили о 10 годах без права переписки;
- двоим просто не сказали, куда отправился из тюрьмы их родственник;
- троим сообщили, что их родственник сослан, но не уведомили о запрете на переписку (хотя разрешение переписки лишает смысла всю процедуру дезинформации);
- одному сказали, что родственник заключен на 12 лет и переписка запрещена;
- остальным сообщили, что родственник посажен и переписка запрещена, но срок не сообщили.

Эти данные подтверждают отмеченное в п. 2: никакой единой процедуры, обязательно предписывающей родственникам всех расстрелянных сообщать именно о 10 годах без права переписки, не соблюдалось.

Характерный штрих к «достоверности» сообщений о 10 годах без права переписки: жена красноар-

Рис. 1. Справка о якобы опознанном среди жертв расстрела Л.И. Ежовском

мейца Антонюка тоже якобы получила в НКВД такую устную справку.

Вдове Валериана Ивановича Заварова (умер в тюрьме от сердечного приступа) в НКВД сообщили, что ее муж был отправлен на Крайний Север, позднее ей сказали, что он умер от сердечного приступа [Amtliches: 264]. В этом сюжете заложено все современное представление о 10 годах без права переписки: сначала семье заключенного сообщают о вынесении приговора о лишении свободы, потом — о смерти в местах лишения свободы, потом выясняется, что родственник казнен.

Дочь Александра Павловича Северина рассказала, что в ее дом через два года после ареста отца пришел человек, представившийся освободившимся сокамерником Александра Павловича и сообщивший о том, что тот жив и здоров. Она решила, что это операция НКВД и попросила гостя опознать отца на групповой фотографии — и тот справился с проверкой [Amtliches: 268–269].

С учетом того, что Северин, якобы эксгумированный в парке культуры и отдыха, в действительности не был там погребен, есть все основания полагать, что через два года после ареста Александр Павлович действительно был жив и его сокамерник сказал правду.

Таким образом, сюжет о сотрудниках НКВД, посланных родственникам расстрелянных с целью скрыть правду о казни, был придуман еще в 1943 г.; примечательно, что в 1989 г. он был воспроизведен в книгах вдовы Исаака Бабея [Пирожкова: 228] и брата Михаила Кольцова [Ефимов: 62].

4. Заключение и выводы. На основании изученного материала нельзя исключить реальность ситуаций, в которых родственников заключенных (не казненных) действительно информировали о приговоре их близких к лишению свободы без права переписки.

Например, заключенному могли запретить переписку одновременно с осуждением или же позднее, по прибытии в ИТЛ, за нарушение режима. Подобное сообщение могло быть обычным недобросовестным выполнением должностных обязанностей сотрудником НКВД, нежелающим брать на себя труд по выяснению адреса заключенного. Это могло быть, наоборот, проявлением человечности со стороны сотрудника НКВД — сохранилось немало воспоминаний о том, как женам репрессированных рекомендовали не пытаться навести контакт с осужденными мужьями, а начинать новую жизнь.

Более того, родственник мог сам изобрести благовидный предлог для прерывания связи с заключенным (например, чтобы избежать репрессий), в силу устного характера справок проверить это никак нельзя.

Единственное, что можно утверждать на основании рассмотренного материала: организованной уни-

фицированной кампании дезинформации родственников *казненных* не было, сообщение родственнику о 10 годах без права переписки не означало расстрел.

Официальные документы, описывающие применение изучаемой практики дезинформирования, содержат упущения и противоречия:

— никак не регламентируются устные справки, выдаваемые родственниками приговоренных комиссией НКВД и прокурора СССР;

— родственникам расстрелянных по приговорам ВКВС, даже если приговоры опубликованы в прессе, по букве инструкции следует сообщать не о казни, а о заключении на 10 лет без права переписки.

В воспоминаниях родственников репрессированных не прослеживается единой централизованной кампании дезинформации: всем должны были сообщать срок 10 лет, но на практике уведомляли о заключении от 5 до 25 лет, а иногда срок не называли вовсе.

Все это дает основания предполагать, что тождество 10 лет без права переписки и казни — это миф.

Миф этот был создан нацистами в ходе Винницкой эксгумации с целью уйти от ответственности за массовые расстрелы евреев, он имеет опровержения как в материалах самих нацистов, так и в иных источниках о Винницком расстреле. Из сказанного следуют два вывода:

1. Случаи получения родственниками осужденного двух свидетельств о смерти — от болезни в ИТЛ в 1940-е гг. и ВМН в 1937–1938 гг. — следует тщательно изучить. Вероятно, эти люди были осуждены к длительному лишению свободы, ограничены в переписке (о чем и сказано родственникам) и умерли в заключении, а не были казнены.

2. Корпус архивных документов, в которых утверждается тождественность 10 лет без права переписки и расстрела, нуждается в проверке подлинности.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 33. Л. 135.

² ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 552. Л. 111.

³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3286.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4. Л. 115–117.

⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 113. Д. 253. Л. 2–4.

⁶ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 248. Л. 9–10.

⁷ Приговор Военной Коллегии Верховного Суда // Правда. 1938. 14 марта.

⁸ ДАХО. Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 5276.

⁹ ДАХО. Ф. Р-6452. Оп. 3. Д. 1499.

¹⁰ Обнаружены новые братские могилы жертв НКВД // Набат. 1943. 6 июля.

¹¹ Новый Катын // За Родину. 1943. 17 июля.

¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 10. Л. 27–29.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 15; 16.

¹⁴ Гронер Курт и Юрашек Фриц // Государственный архив новейшей истории Смоленской области. URL: <https://archive-n.admin-smolensk.ru/deyatelnost/dokumenty-ufsb/groner-kurt-i-yurashek-ft/> (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁵ Антонюк Григорий Иванович // Память Народа: портал. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie36361938 (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁶ Сведения о Василии Вознюке из учетно-послужной картотеки // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: портал. URL: <https://poisk.re/person/officers/3534821?ysclid=m5wya8comg456760648> (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁷ Bericht über die Lage in der Ukraine vom Einsatzkommando 6. Arolsen Archives International Center on Nazi Persecution. DocID: 82355453. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/document/82355453> (access date: 08.06.2025).

Список литературы

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А.Н. Яковлева. Москва: МФД, 2000. 888 с.

Дугин А.Н. Тайны архивов НКВД СССР: 1937–1938 (взгляд изнутри). Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 341 с.

Ефимов Б.Е. Тайна судьбы Михаила Кольцова // Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. Москва: Юрид. лит. 1989. 576 с.

Леонова Н.Б. Марианна Давидовна Гвоздовер – удивительный человек // Вестник Московского университета. Сер. XXIII: Антропология. 2017. № 1. С. 141–152.

Нароков Н.В. Мнимые величины. Москва: Художественная литература, 1990. 336 с.

Насильство над цивільним населенням України: документи спецслужб. 1941–1944 гг. / О. Боряк, В. Будницький, В. Васильев и др. Киев: Видавель В. Захаренко, 2018. 752 с.

Пирожкова А.Н. Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. Москва: Книжная палата, 1989. 336 с.

Право переписки. Связь воли и неволи: о письмах, посылках и свиданиях заключенных советских тюрем и лагерей / авт.-сост. Е. Жемкова, А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская. Москва: Agey Tomesh, 2017. 240 с.

Редькина О.Ю., Назарова Т.П. Проблема нелегальной эмиграции меннонитов Причерноморья в 1920–1930-х гг. (по воспоминаниям семей А. Герман и М. Рейтер) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2020. № 2 (112). С. 62–66.

Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. Москва: Республика, 1992. 268 с.

Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, Zentralverlag der NSDAP, 1944, 284 s.

Gander T., Chamberlain P. Enzyklopädie deutscher Waffen: 1939–1945. Motorbuch Verlag, 2008, 356 s.

Yad Vashem Studies. Vol. 3. The Extermination of Two Ukrainian Jewish Communities: Testimony of a German Army Officer. Jerusalem, 1959, 323 p.

References

GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei, 1918–1960 [GULAG: The main directorate of the camps, 1918–1960], ed. by A.N. Yakovlev. Moscow, MFD Publ., 2000, 888 p. (In Russ.)

Dugin A.N. *Tainy arkhivov NKVD SSSR: 1937–1938 (vzgliad iznutri)* [Secrets of the archives of the NKVD of the USSR: 1937–1938 (an inside look)]. Moscow, Berlin, Directmedia Publishing Publ., 2020, 341 p. (In Russ.)

Efimov B.E. *Taina sud'by Mikhaila Kol'tsova. Vyp. 1, 2* [The secret of Mikhail Koltsov's fate]. *Reabilitirovan posmertno* [Rehabilitated posthumously. Vol. 1, 2]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1989, 576 p. (In Russ.)

Leonova N.B. *Marianna Davidovna Gvozdover – udivitel'nyi chelovek* [Marianna Davidovna Gvozdover – an amazing person]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. XXIII: Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Ser. XXIII: Anthropology], 2017, no. 1, pp. 141–152. (In Russ.)

Narokov N.V. *Mnimye velichiny* [Imaginary quantities]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, 336 p. (In Russ.)

Nasil'stvo nad tsivil'nim naseleнням Ukraïni: Dokumenti spetssluzhb, 1941–1944 [Violence against the civil population of Ukraine: Documenting the special services, 1941–1944], O. Boryak, V. Budnitsky, V. Vasiliev et al. Kiev, V. Zakharenko Publ., 2018, 752 p. (In Ukr.)

Pirozhkova A.N. *Gody, proshedshie riadom (1932–1939)* [The years that passed nearby (1932–1939)]. *Vospominaniia o Babele* [Memories of Babel]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1989, 336 p. (In Russ.)

Pravo perepiski. Sviaz' voli i nevoli: o pis'makh, posylkakh i svidaniakh zakliuchennykh sovetskikh tiurem i lagerei [The right of correspondence. The connection between will and bondage: about letters, parcels and visits of prisoners of Soviet prisons and camps], author-comp. E. Zhemkova, A. Kozlova, N. Mikhailov. Moscow, Agey Tomesh Publishing House, 2017, 240 p. (In Russ.)

Redkina O.Yu., Nazarova T.P. *Problema nelegal'noi emigratsii mennonitov Prichernomor'ia v 1920–1930-kh gg.* [The problem of illegal emigration of the Mennonites of the Black Sea region in the 1920s and 1930s]. *Izvestiia AltGU. Istoricheskie nauki i arkheologiya* [News of Altai State University. Historical sciences and archeology], 2020, no. 2 (112), pp. 62–66. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *1937-i: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet Society]. Moscow, Republic Publ., 1992, 268 p. (In Russ.)

Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, Zentralverlag der NSDAP, 1944, 284 s.

Gander T., Chamberlain P. Enzyklopädie deutscher Waffen: 1939–1945. Motorbuch Verlag, 2008, 356 s.

Yad Vashem Studies. Vol. 3. The Extermination of Two Ukrainian Jewish Communities: Testimony of a German Army Officer. Jerusalem, 1959, 323 p.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 03.09.2025.